
Геннадий Каневский
ПОДЗЕМНЫЙ ФЛОТ

ΑΊΛΟΥΡΟΣ

Геннадий Каневский

ПОДЗЕМНЫЙ ФЛОТ

шестая книга стихов

Ailuros Publishing
New York
2014

Gennady Kanevskiy
Underground Fleet
Poems

Ailuros Publishing
New York
USA

Подписано в печать 22 августа 2014 года.

Редактор Елена Сунцова.
Художник обложки Ирина Глебова.
Фотография Марии Кустовской.

Прочитать и купить книги издательства «Айлурос» можно на его официальном сайте: www.elenasuntsova.com

ISBN 978-1-938781-27-8

отведи её в сторону — зренью мешает.
небогатый, но всё-таки вид.

в старом парке у нас есть страна небольшая.
и она говорит.
не воюя, не рея
на ветру, не кичась синевой, белизной.
и сигналы — неточное время —
да пребудут со мной.

Там чубушник и жимолость, горы покаты,
невысоки дома муравьёв.
Кулебяки её — дериваты её, предикаты,
смыслы в девять слоёв.
полустанки забыты.
полуптанки рокочут в траве.

нет, не в лондоне.

нет, не в москве.

Памяти Алексея Колчева

вы оставайтесь, я уйду.
я уже давно намекаю.
есть ли там музыка, в аду? —
тихая, громкая — хоть какая.

если нет, то я заберу
что-нибудь, саундтрек к рекламе —
чем ещё затянуть дыру
эту, зияющую меж нами?

[***]

подземный флот уже плывёт к тебе
лавируя меж тёмными корнями
с червивым ветром в тёмных парусах
а мы его антенны перископы
ты каждый день проходишь между нами
мы за тобою пристально следим

мы бражники ночные мотыли
мы осторожно подлетаем к лампе
но тут же исчезаем на свету
ты не лови нас даже не пытайся
а то пыльца останется на пальцах
чужая пыль подземных берегов

свистящая прохладная игра
касанье щёк подслеповатой бритвой
и капитан выходит к экипажу
и тихо произносит «виден берег»
и имя твоё тихо называет
все думали что индия ан нет

матросы сходят нá берег след в след

их плаванье до ручки довело
их тысячи их видеть невозможно
ходи по ним ступая осторожно
гляди во тьму в покровное стекло

очень хотелось ногою вращавших круг
лепящих день руками
но никого никого вокруг
кроме поющих ножницами по ткани
клёкот и стрёкот швейная речь машин
иглы и шестерёнки
но не умеют вечер вытянуть как кувшин
чтобы был длинный тонкий
холодает — запахивают пальто
опускают вуаль кутаются в пелерину
наряжаются но зато
в самом конце в красную лягут глину
руки портных костистее и острей
руки горшечников хоть и грубы но кротки

кто вращает нас всё быстрей и быстрей
так что по стенам летят ошмётки

[севооборот]

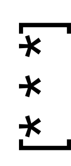
когда уеду в город лондон
ах мама я же не о том
вчера спросил в аптеке «ко́ндом»
не ведая что он «кондо́м»

они смеялись целым классом
мне всякий мусор говоря
в те дни что вычеркнуты с мясом
из моего календаря

ещё концертов по заявкам
в рабочий полдень слышен всхлип
а там где всё иным порядком
уже снимают первый клип

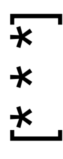
там джонни роттен он же лайдон
и трое сбоку наших нет

вот говорят «веб-узел найден»
и «ожидается ответ»

летний день с грозой и с норовом.
летний вечер будет скоро вам,
зыбкий и нестойкий.
кипяток на дне фарфоровом —
радость землеройки,

что якшается с подонками,
и свои чулочки тонкие
подшивает леской,
и целуется под окнами
на площадке детской.

тянет, тянет за руку дождь в окне.
«ну, пойдём, — говорит, — я иду, да и все идут».

те, кому нравлюсь я, не нравятся мне,
и наоборот.

те, кто живёт, озираясь на каждый звук —
мелкие клерки, городские кроты.

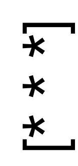
стало модно вписывать здания в полукруг,
если смотреть на них с высоты.

раньше было квадратнее, зеленей,
воздух прозрачней, но тоньше слой.

а зато теперь каждый следующий из дней
выше поднимается над землёй

к тому, кто, полуприкрыв глаза,
всё ленивее и небрежнее каждый раз

смотрит на этот город сквозь два колеса
обозрения, имеющиеся у нас.

владимиру беляеву,
поэту и организатору ландшафтного фестиваля
«пушкинские лаборатории»

отведи её в сторону — зренью мешает.
небогатый, но всё-таки вид.

в старом парке у нас есть страна небольшая.
и она говорит.
не воюя, не рея
на ветру, не кичась синевой, белизной.
и сигналы — неточное время —
да пребудут со мной.
там чубушник и жимолость, горы покаты,
невысоки дома муравьёв.
кулебяки её — дериваты её, предикаты,
смыслы в девять слоёв.
полустанки забыты.
полутанки рокочут в траве.

нет, не в лондоне.

нет, не в москве.

[декларация 0 (ceci n'est pas une pipe)]

я люблю филологическую поэзию
я люблю филологическую критику
я люблю филологов
это не шутка

способ их отношения к миру
их абстрагирование от многих вещей
кажущихся и мне неприятными
некая их внеположность суете
воспринимаются мною как род эскапизма

а я не знаю ничего на свете
прекраснее эскапизма

нет я не филолог
нет я вообще никто
но я слушаю их беседы
не понимая половины слов
и только догадываясь об их значении
по латинским корням

мне не только не кажется отвратительным
употребление ими птичьего языка
для общения между собою
в чём их всегда упрекают

дескать так они отделяют себя
от профанов

мне кажется жизненно необходимым
отделиться от профанов
во всяком деле

нефилологи несомненно со временем вымрут
в ходе естественного отбора
и я принимаю и приветствую это
как сто лет назад некто приветствовал
грядущих гуннов

в заключение данного сообщения заявляю
что пишу его в здравом уме твёрдой памяти
находясь в москве
на станции метро войковская

в этом тексте нету иронии
в этом тексте нету сарказма
в этом тексте нету двойного дна

это не трубка

[говорят июнь]

*

говорят июнь

открываешь втекает
белое молоко

затворяешь скисает

ставишь в печь
говорит языками
ангелов и людей

а на третий день

*

говорят июнь

пух последних звонков

розоватых последних
времён

по вечерам

ну а утром
по диску солнца
проходит венера

всё проходит
и проходит
третий день
как в последний раз
в этой жизни

в следующей
она останется
в центре

в церкви

в маске

как тогда

*

говорят июнь

листригоны греческих бухт

лисистраты греческих яхт
не дают
пока не отдашь им яд

хранимый
на чёрный день

если ж нет
интернет
знает триста рецептов

как сделать
яд

*

говорят июнь

недолёт

пересвет

говорят

[дождь]

а. сен-сенькову

прятки

и вода́ —
во́да

ищет
тебя сверху

капли —
лишь на твой
зонтик

беги

ты найден

[***]

1.

свет утренний на потолке хлопочет
как будто за окном сидит наводчик
и водит беспокойным окуляром
по суматохе запятых и точек

мне кажется его зовут коляном

друзья его поклонники халявы
подруги его нежные оторвы

зэ энд оф таймз я говорю товарищ
слезай ты ничего тут не нашаришь
не передашь мои координаты

твои друзья по прежнему упёрты
твои подруги глупые — пернаты
и ты от босса не получишь бонус
засёкши мои пыльные пенаты

но он блестеть и хлопать продолжает
не внемля этим полусонным пеням

и день уже восходит по ступеням

и ночь уже почти не возражает

2.

дни
на глазах обрастают ветром

ночью
мимо дома
носят флаги твоих бессонниц
подготавливаясь к параду

зависть к валериане
к овцам
которых ты недосчитался

это молодость

это нервы

станешь старым
сядешь в кресла
засыпая над каждой книгой
над каждым фильмом

говорят что в тифлисе
утром
до сих пор точильщик
искрами прогоняет
торговку мацони

говорят что в жироне
танцуют вальсы
на мосту через речку оньяр

почему-то вспомнил

это старость

засну-ка над этим текстом
в кресле
чтобы перед тобой
оправдаться

3.

в складках старого
лоскутного одеяла
ты очки свои потеряла

а по-старому — окуляры

в створках раковины
брезжит утро

и на столике полбокала
то вчерашнее из пакета

это лето

ночь пришла и оно дышало
день пришёл и его не стало

исчерпалось
выбрало квоту

я опаздывал на работу

я любил тебя мало

мало

[степное]

на дворе погоды стоит туман
бутерброды выпечка шаурма
и всё ниже новгород и тагил

я монгольский дедушка бодрымбыл
глазом узок голосом невысок

чтобы вас не сразу занёс песок
зарекой зарощею заметай
пеленгуй по голосу курултай

чтобы пели духи внутри земли
прорастая в тонкие ковыли

[gabriella blues]

когда уходит в небеса
густая старческая кровь
пустая старческая речь
то небо изменяет цвет
и чуть желтеет по краям
как белый выстиранный флаг

пой о костяшках устный счёт
и о крахмале детский сад
и сотнях пуговичных игр

и у тебя был старый тигр —
четыре дырочки на глаз

когда уходим мы из дней
сперва уходят дни из нас

и остаётся только ночь
она пуста но не страшна
в ней может зародиться жизнь
каких-то непонятных форм
каких-то кремниевых фирм
и силиконовых планет

оставь земле бочонок да
возьми с собой кусочек нет

отщипываешь по чуть-чуть
и хватит на десяток лет

бродягой на краю земли
ты через радугу прошёл
и землю с небом прочно сшил
водой где нету нет и да
(они шептались — согрешил —
зане пустая их руда
и непрозрачна их слюда
и в их составах нету свойств)

прости источник беспокойств
я через полчаса уйду
лишь доиграю в города
лишь долетаюсь в небесах
до белых мальчиков в глазах
до сирых желторотых птах

и кто там есть ещё до них

потеряшек твоих голоса давно счастливы замужем ледяная летит оса не прячь голову

вот и не морочь мне её не морочь своей левитацией три миллиметра всего я же мерила а мнишь себя лётчиком

знаешь на что он похож на абстрактный памятник где-то в прибалтике весь окружён табличками когда кому в честь чего

чуть выше тридцати восьми начинался бред он вставал с постели ходил не видел стеклянной двери разбил и порезал руку хорошо нашёлся жгут и петька был рядом

они сначала играли «коль славен наш господь в сионе» потом «боже царя» потом «интернационал» а для глинки нужны были новые колокола но секрет утрачен

у вас там все с ума посходили а знаешь почему на такой гигантский город мало одной реки вода примиряет с жизнью лучше всего море сам ведь замечал не оторваться и внутри всё становится как-то гладко

он ещё пел за рулём мотоцикла а в ванной молчал представляешь вот чудик

потеряшки спите спокойно я возьму вашу смерть на себя

[синематографика]

1. [люмьер. прибытие]

как будто бы с поезда жизнь даже в этом звучит тяжело
крупинку подняв и в платок завернув чтоб себе в оправданье
чемодан раскрывающийся изумлённой рукою перехватив

чистильщики одежды бегут нахваливая своё мастерство
валятся со всех сторон пропилей густопёрые зданья
всё это наконец говорит тебе вот ты и один

закончен горизонтальный дым преферанса с соседями по купе
перекатывающиеся духовые массивы облаков медных
после заката превратились в противоположный себе свет
говоря по-польски гвязд

и небольшой буксир на довольно широкой
протекающей в квартале от вокзала реке
несколько что ли издевательски издаёт такой особенный свист для бедных
свист какой любил второстепенный поэт серебряного века пяст

надо бы ещё заскочить к живущему рядом приятелю и с видом школьника
блок жевательной резины заграничной вручить ему как дар вселенской
он же с трудом оторвавшись от вычислительных своих машин

спросит как бы невзначай напомнить ему чем тактовик отличается от дольника
раз уж дескать я припёрся сюда с душою своей геттингенской
в бедный наш край где эсеры намедни в публичной дискуссии
опровергли существование души

внутреннее молчание путешествия подкрепляемое неумолкаемой речью
быстро сменяется внутренним диалогом неслышным извне никому
и когда ночь окончательно вступает в свои права

салют по поводу присоединения к империи новых островов
                                        кажется отдалёнными залпами сиречь картечью
наступающего со всех сторон неприятеля и в подсвеченном прожекторами дыму
слышится классическое первый батальон по левому флангу арш ать два ать два

2. [эйзенштейн. броненосец]

«чудовищна, как броненосец в доке...»
(о. м.)

run, armadillo, run

от дюка с люка через одну
ступеньку, спеша объявить войну,
сворачиваясь пружиной стальной.
гремя столицей вставной,
вспыхивая бунтом, грозой, виной —
в тёмные плавни, в днестровский лиман,
в смысловой туман
(как поэт владимир аркадьевич гандельсман)

run, armadillo, run

ты увидел червей в солонине — это предлог,
ты увидел свет невечерний — это союз,
ты почувствовал ветер, сказал себе «не боюсь» —
это был бог,
несущий не мир, но меч,
ведущий за руку деву — с тобой возлечь,
отженивший от тебя день, прилепивший ночь,
влекущий от тебя прочь сто народов и стран

run, armadillo, run

run, armadillo, неизвестно куда
под тобой трава череда, над тобой звезда,
за тобой горят города и тела людей,
по твоим берегам бестолково мычат стада,
недоены третий день
так застынь посреди степи
как языческий истукан
что наделал ты — это кровь из ран, armadillo, ран

— сдохни, сука, сдохни

— run, armadillo, run

3. [х и ч к о к. п т и ц ы]

а. б.

в жёлтой маечке чирлидера
с помпоном на боку
никого бы не обидела
но по строгому звонку
вся вытягивалась замертво
и лопатки сведены
и взмывают в небо стаями
стальные летуны

клювокрылие железное
напрягая на весу
ловит воинство небесное
заметавшихся внизу
замечтавшихся и летних и
с беспокойным взглядом вверх —
всё иное и скелет иной
и глаза круглы без век

голубятню нашу помните
где свобода и помёт
и стихи в полночной комнате
про счастье и полёт
только стук пожарной лестницы
откликнется от той
от погибельной предвестницы
под руку с пустотой

от меня уже немногое
осталось — ничего
за пернатое за строгое
до жути торжество
помаши подолом ветреным
как в первый раз была
в день обратной геометрии
стреловидного крыла

4. [к о п п о л а. а п о к а л и п с и с]

пупырчатой кожей отлипая от дна
когда телефон заиграет из вагнера
было модно назад лет десять когда одна
впрочем об этом не надо вам
назначая преобладающим цветом жару
влажность преобладающим звуком но
это будет после когда умру
и покажется кукольным
на огне вуду целлулоидного колдовства
спёкся в комок своего привыкания
так бывало когда одна
примеряясь лечила иглоукалыванием
в дельте меконга наводят грусть
струи дождя непрерывно идущего
жди меня
тем сильнее я не вернусь
в книгу о бренности всего сущего

по сцене скачут какие-то modern talking.
гудини прозрачен. он надевает смокинг.
гудини теперь нигде — но повсюду реет.
гудини идёт по воде — и вода твердеет,

идёт по земле — и земля становится влажной.
гудини врёт, что теперь это сможет каждый,
но в складки горла и в тайные швы на теле
он прячет свёрла, бритвы и иммортели.

он дважды тонул и трижды бывал распорот.
(никто не зрел, чтобы он заложил за ворот).
всплывал со дна в сундуке из кованой меди.
в аду летал на горном велосипеде.

руанские девы костёр под ним разжигали.
горя, шептал он имя какой-то гали.
и вот он ветром вольным гуляет в поле,
а тот костёр — пустой огонёк, не боле.

в румынии он свистел трансильванским зубом,
когда прилетал гостить к знакомым суккубам,
а в польше его сковали цепями смысла,
но он лишь свистнул — и закипела висла.

гряди, гудини, мы ждём тебя у вокзала.
ещё дадим, если этого будет мало.
«приди, еврейская шваль, приезжай, подонок», —
поёт и плачет музыка, как ребёнок.

[меа шеарим]

мы никогда не войдём
в меа шеарим

я —
пивное пузо
короткий рукав
ты —
в брюках
и без парика

осы полоски наружу
а где их гнездо
талес ли?

сны не о том у нас
хоть и о разном
и потом
ты скажешь он умер
они с издёвкой
а разве он жил?

мы никогда не
только кругами поодаль
приближаясь и отдаляясь
не зная как лучше

взаимно аннигилировать
не тот случай

1. перекрёсток улицы ла гуардиа и бульвара моше даян, тель-авив

в жарком воздухе, где сгущается бестелесное,
бессловесное растворяется в болтовне,
деревянной она ракеткою ловит лесть мою
и со вмятиной возвращает обратно мне.

плотной пробкою заполняется мост ла гуардиа.
узкой тропкою пробираются вдаль оли́м.
рассказал бы ей о библейском камелопарде я,
но об этом мы чуть попозже поговорим.

2. шоссе 98, район горы бенталь и контрольного пункта сил оон кунейтра, голаны

здесь быстро темнеет

собравшиеся на холмах
скандируют шёпотом
«sound and vision!»

садитесь поближе

в ближайших домах
за фасадными стенами
нет помещений
это траншеи и щели
укреплённые точки

и начинается

плоские
жестяные фигуры солдат
обретают объём

слышны стоны и мат

жёлтые таблички
с нанесёнными по трафарету
надписями
«осторожно, мины!»
взмахивают
невесть откуда взявшимися
руками

и по этому взмаху
начинают глухо жужжать
в земле
не отмеченные на картах
невидимые глазу шершни
проделывая ходы
ища свою жертву

виноградные лозы
обнимаются с колючей
проволокой
продолжая её
или она — их

а еле слышную музыку
как бы наигрываемую
одной рукой
на расстроенном
фортепиано
потом
оркеструет ветер

3. перекрёсток ха-мецуда и дрор элиель, квартал йемин моше, иерусалим

что ж, — говорит левана р., — записывайте
это один из незаметных шедевров
сефардской кухни
моя мама да упокоится душа её
в ган-эдене
всегда готовила это на праздник
называется инджинара
на ладино это значит «артишоки»
но какие там артишоки
нам они были не по карману
зато крупные кабачки
всегда приносили
от зеленщика нафтали
почти задаром

счищаете с них кожуру
(сами кабачки потом
пойдут на другое блюдо
например на оладьи)

большие очистки режете на три части
кладёте в кастрюлю
наливаете оливковое масло и воду
выжимаете сок двух лимонов
чтобы жидкость
лишь покрыла кожуру
щепотку соли и сахара

варить всё это надо
пять-десять минут
и охладив сутки
подавать на стол
посыпав укропом

в жизни не ела
ничего вкуснее

отец правда всегда говорил
что у бухарцев
(а он — из них)
есть блюда не чета этому
да что он понимает
в высокой кухне

4. поворот на латрун

об укрепленьи границ
о гладком асфальте
о расширении трасс до восьми полос

об одной только скорости
о скорости как таковой
о бросающихся под колёса тутси и хуту

о карго-культе
о первоначальном накоплении
об эпохе пара

о медных шестернях
о гигантских турбинах
о стальных лопатках

об алюминиевых колпаках
о сияющих логотипах

о, демоны пубертата
о, бестактная молодость
о, трёхтактные двигатели

о, летящая птица
нарисованная слабым смещением
руки художника

умирающего
от собственной
неподвижности

5. перекрёсток йосефталь и бальфур, бат-ям

капельное усилие
крошечная награда
с красными — бугенвилия
с фиолетовыми — жаккаранда
есть ещё петтифолия
к северу где предгорья
(выйдешь без предисловия
да и без послесловья
горе с этими играми
гонор оставь левацкий)
ну а с длинными иглами —
кедр
да нет
не ливанский

мы отступаем.

уже в огне
город ельня.

кто передаст звуковой волне,
что она запредельна?
кто собьёт с травяных штанин
комья спеси панской?
кто научит пласты равнин
речи горней и ханаанской?

мы отступаем.

кто, кроме нас,
защитит от потравы
малую землю карих глаз,
воробьиной славы?
кто сохранит шелестящий век
письменно-устно,
переплывёт муравьиных рек,
многие годы — сухие, русла?

мы отступаем.

каждый поёт
о далёком доме.
нежный лелеет переворот
с девкой в соломе.

каждый конину зубами рвал.
мечтал о плене.

мы отступаем.

порвите, мой генерал,
каблограмму
о наступленье.

[пассажир]

даниле давыдову

когда весёлый недоумок
свернёт в зелёный переулок —
ища прозрений или бед,
сворачивай за ним вослед.
ступая через пятна солнца,
следи — вот-вот он обернётся,
взамен лица — густая тьма,
вокруг — тесьма.
здесь прорисовка, растушёвка,
здесь карандаш, здесь мел:
ты на зубах хрустишь неловко,
на вкус довольно мил.

проснись — твоя ли остановка?

ах, не твоя? — ну, спи ещё,
июльский пассажир ночной
в кульке бумажного трамвая,
от женских слёз охреневая
и вспоминая прежний вид:
дневная улица тугая,
на солнце тело замирает,
в тени прекрасный бомж сидит,

и жизнь от водки опухает.
и смерть от ветра победит.

[остановка]

андрею черкасову

«яузские ворота. памятник
пограничным состояниям
отечества»

[neverland]

тёмны воды во шлюзах.
нависает гроза над мостом.
как в бильярдную лузу
входит в тёмное баржа с песком.
первой молнии узок
нож — и видно, что будет потом:

закрываешь глаза — и
на экранчике внутреннем век —
цепь разрушенных зданий,
саранчи бестолковый набег,
ярких взрывов розарий,
углекислый нетающий снег.

открываешь — и снова
ветер, зелено, сине, темно.
половина седьмого.
рядом пьют молодое вино.
от грозы дядя вова,
твой сосед, закрывает окно.

кто там ходит и судит
о пространстве всеобщей вины?
что там в воздухе сгрудит
ветер северный (в виде стены)?

как там? — *нет-и-не-будет* —
имя вашей страны.

каждое аное — енное:
странное и откровенное.

каждое яное — инное:
пьяное и магазинное.

где угрожают заточками.

где убегают садочками.

где нарастают события
за полчаса до закрытия.

вот
он
летит
с вышины,

лист листом.

вот он
лежит у стены

вниз лицом.

в тихом прокуренном дне.
дым к виску.

словно бы только что не
наверху.

жгут полутрупы свобод.
пишут крах.

ставят воздуховод
в головах,

чтобы гудело хитро
(ветер, вей).

чтобы дышало метро
всех червей.

так —
шестерёнки к цветам,
дни примет —

всё происходит и там,
где вас нет.

где и простуженный след
из вчера

гасят
неловко
как свет

в семь утра.

[* * *]

вас зовут автандил иванов
вы любитель джинсовых штанов
и сторонник подрыва основ

через месяц вас вышлют под лугу

через два вы замёрзнете в зимней степи

из источников близких к великому югу
мы узнали ваш адрес ай-пи

[новый боспор]

низовым потоком
(падает черепица)
проходя на бреющем жёлтый пляж
кувырком кувырком летит
на одном — помпаж
в другой при разгоне попала птица
мы видали твой пилотаж
в море чёрное окунуться
там отжаться
упасть
забыться

тридцать три выходят из моря
в спасжилетах
как на подбор
с ними дядька бортинженер
схватились за воду
уцелели
вышли
основали новый боспор
окончательный пантикапей
их послал властитель зыбей
улучшать породу

и с тех пор
процвели ремесла и города
изменился климат
в моду ввели поребрик

и стоят не тая
фигуры синего льда
и свистит мимо них
мотаясь туда-сюда
паровозик
одноколейник

а суда гребные
зачем нам теперь суда?

не осталось от них следа
здесь другая кровь-любовь
и иная раса
отступила за мыс вода
обнажилось дно
лишь колокол иногда
снятый с флагмана
звякнет
в начале шестого часа

[песни о советских лётчиках]

1.

где звуковой предел бахчиванджи
преодолел над пропастью во ржи,
нет ничего, но за пределом звука
в мозгу стареет тёмная земля,
стоят сухие грозные поля
и на плющихе — тополя (три штука).

там разработчик жив сверхзвуковой.
в секретном кабинете со вдовой
по пятницам свидания в обнимку.
на два часа, в которые встаёт,
её возможно взять за поворот
на дальнюю таёжную заимку.

он грек, румын, болгарин и т.д.
он после смерти бодрый, как в воде
серебряная рыба фюзеляжа.
он шутит про загробное житьё.
он пожимает локоток её,
и коньячок, и анекдоты даже.

но остаётся выжженной трава,
и прочь летит хмельная голова
под крики подбегающей охраны,
и мёртвым свистом напевает рот
про короля кастильского полёт,
любовника задорной маританы.

2.

на бреющей болтовне
на тлеющей головне
на судах да на пересудах
да на полярной струне
картонно раскинув крылья
распяв усилья
руки разъяв
любимец всей эскадрильи
летит под крики раззяв

под холод и белый свет
под наградной пистолет
под водочку с холодцом
да под прерывистый след
щека
да улыбка фраера
да американское «cute»
а в чека его
просто ч'каловым
валерием
назовут

от нижнего до москвы
от ближнего до братвы
от нас через полюс
в медленное неземное увы
под заливистый матерок

под задиристый катерок
под волжское
«на-ка выкуси
у меня
между ног»

плывёт над страной
небесной слюной
в матерь
в душу
в эпоху
к самому богу спиной
с когортою дев —
бери и владей —
самый человечный
из всех не-людей

3.

два сиамских близнеца
разделённые врачом
мир с газетного листа
только слава нипочём
жёлто-рыжие леса
под крылом стоят сам-друг
а потом и полюса
полюс север полюс юг

то ли пат и паташон
то ли песня и припев
на двоих один погон
и десяток юных дев
комсомолки на подбор
общий чайник общий кров
аист-аист-мутабор

байдуков и беляков

китоврас тянитолкай
или там камелопард
в сообщеньи тасс строка
с помощью собак и нарт
вытащили самолёт
из широкой полыньи
гауптвахта идиот!
разлюлюшеньки мои

и звездою золотой
перед тем как отсидеть
но танцуешь молодой
впору брату поседеть
в небесах кружатся как
избавляясь от оков
глазеноп и бутенап

байдуков и беляков

4.

они отреза́ли маресьеву ногу
они посвящали маресьева богу
но бог эту жертву отверг

и вот он ползёт через кровь и блевоту
кругом гомонят отмечают субботу
ему же — великий четверг —

день хлеба и рыбы и чистого гнева
геройской звездой пробивается слева
мерцает и светит во тьму

и шепчет ползи по лесам и полянам
сигналь за тобою ползущим полякам
что хрен им а не кострому

когда он поёт о широком просторе
мы видим его через дырку в заборе
в жуках пауках и траве

без ног и без рук словно стыдное что-то
тележка его как модель самолёта
и месть у него в голове

нам взрослые дяди сказали глядите
и мы замолчали наивные дети
смотря на взметнувшийся прах

на родину эту мечту и зазнобу
на горнее небо на дольнюю злобу
на крест у неё в головах

5.

с того момента,
как он смешал
свои кровь и пепел
с кровью и пеплом
танкистов гудериана,

всё пошло по-другому.

в тёмной валгалле
все они нынче —
негры,
евреи,
цыгане,
и педерасты
в белой красивой форме.

а он стал богом
в их подземном люфтваффе.

алтари святому гастелло,
отдавшему жизнь
ради счастья мёртвых.
воскурения благовоний.
клятвы новоприбывших.

продаются брошюры
о его жизни:

был хулиганом,
на спор туда и обратно
переплывал одер
в районе таганки.
по рекомендации
василия сталина
вступил в гитлерюгенд
и был направлен
в лётную школу.
в свободное от занятий время
бил морды
проклятым арийцам.
в первые же дни армагеддона
принёс великую жертву
пеплом и кровью —
и всё утихло.

а нынче
каждое утро,
перед восходом солнца,
сияя,
восстаёт из пепла
в северо-западной части
небесного свода
и раскрывает
стальные руки-крылья
под мерный гул
пламенного мотора
сердца.

6.

екатерине симоновой,
елене баянгуловой

вот россия голоса воды и хлеба
вот испания безоблачное небо
позвонила гризодубова расковой
и сказала «ты невидима свободна»
и на кончике марининого жала
мазь волшебная для укрощенья плоти
в ночь вальпургии на бреющем полёте
в небе тоненькая жилка пробежала

раскалятся на газу забыты плойки
домработницы вослед «куда ж вы лярвы»
а мужья их всё кроты и землеройки
укротители подземных канцелярий
а любовники их ромбики в петлицах
да какое там не ромбики а шпалы
через пару лет кладут лесоповалы
во тяжёлых во ежовых рукавицах

ведьма-два я ведьма первая ответь мне
мы ещё с тобою встанем тёмной тенью
над тоскою над москвою на рассвете
над столетием с сиренью и мигренью
зарываясь запинаясь со слезою
гризодубова с расковой матерея

за толстовского болконского андрея
и за дуб его расколотый грозою

7.

соседка заносила спички и соль
сосед заходил и оставил ключ
бреешься у зеркала — видишь листок
«ахтунг ахтунг покрышкин ин дер люфт
тем кто своевременно оставит меня
тополиный пух и божья роса
ну а мне соколику мать сыра земля
да высылка в двадцать четыре часа»

что ли призывай на голову мою
все свои проклятия имперская сталь
твоего покрышкина ждали в раю
только он заранее сводку прочитал
как в покровском-стрешневе наискосок
шёл я по аллее мимо дачи его
ждал откровенья или пули в висок
окрика охраны ан нет ничего

левитан до смерти слышал голоса
жуков до опалы копался в золе
тополиный пух и божья роса
всё что остаётся на этой земле
опускай шлагбаумы ступай со двора
фонарём на станции вослед посвети
передай начальнику апостола петра —
эшелон проследует по первому пути

[к единому учебнику истории. наброски]

1.

песни сморщенного яблока.
тапки старые без задника.
день февральский ни о чём.
открывай своим ключом.

только песней заоконною
ты не тявкай в домофонь мою,
как помоечный щенок,
никому посвященок.

я же ждал тебя, козявина.
я искал тебе хозяина.
вон, чугунный, на скале,
в сыровяленом кремле.

на всю жизнь теперь дежурное
его тяжкое безумие —
медвежатник всех замков
и отец своих щенков.

а когда под слёзы детские
мы в дымы замоскворецкие
превратимся на ходу,
идя́ по́ воду-воду́,

вы издайте вслед летящему
своё слабенькое тявканье,
вылезая из конур
во февральский во канун.

2.

на тихорецкую, а далее — везде,
то лёгким мороком, то буйным переплясом.
щелястый тамбур, занавеска на гвозде,
как будто не было предписано весне
петь песни юности ломающимся басом.

давай известную, чтобы подпеть могли
все гости мёртвые, все пузыри земные,
все те — на корточках — кавказские орлы,
и все клеёнкою покрытые столы,
и ломти воздуха большие, нарезные.

вагончик тронется. останется перрон.
ну опоздаешь же, я всё переживаю.
и строки странные записаны пером.
и плоть прекрасная — пописана пером —
лежит под насыпью и смотрит как живая.

стена кирпичная и гул очередей.
часы вокзальные и карты — вся колода.
и снова тамбур. занавеска на гвозде.
и наши мёртвые на суше и в воде.
и водокачка девятнадцатого года.

[* * *]

наталье бельченко

почва тверда. караулы крепки.
тихие песни поют у реки.
прячут костры за обрывом.

тот, кто неправильно крестится — враг.
тот, кто отдаст всё именье за так —
тот умирает счастливым.

в лёгких вода, золотая орда,
в окнах — дешёвая бычья слюда.
что там шуршит за стеною,

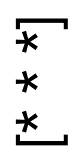
лучше не спрашивать даже родню:
клоковы-братья пытали одну —
и подавились слюною.

жуть, говоришь? — но осталась одна
радость: живёшь возле самого дна,
будто в стеклянном стакане,

и над собой сквозь придонную взвесь
знай наблюдаешь вращенье небес,
звёздных имён выкликанье.

или, с рогатиной наперевес,
в дальний уходишь таинственный лес,
тот, где, силён и нахрапист,

выйдя из древних домысленных вод,
зверь по тропинке косматый идёт,
четырёхстопный анапест.

а. п. цветкову

там, где над безумною толпой
зной полдневный простирает руки,
из земли проклятой и слепой
выходили гордые фелюки.
на носу — метафора отца:
торс гиены, голова скопца.

мы не знали, кто на них плывёт,
но на всякий случай в местном иле
корабли, метафоры и мёд
на четыре локтя утопили,
чтобы в этот воздух не прошли
воины неведомой земли.

всяк из них, сказали, трёхголов,
ест детей по своему закону.
так построим хаты без углов!
расстреляем пятую колонну!
(повернули русла наших рек.
опустили загороди век).

стало тихо, грустно и темно.
нечего сравнить и сделать выбор.
и ходить теперь разрешено
только вверх ногами, кто не вымер.
так мы и останемся в веках —
тысячи стоящих на руках.

[фома]

это быстрое, радостное без зазрения слов,
в мирное время — тестовое, на войне — пулевое.
папенька входит к маменьке. карточка входит в слот.
их всё время двое.

штихелем ли, стамескою отрезай, отсекай
вечное их стремление множеству передаться.
трое — как отторжение. четверо — как толпа.
пятеро — пентатоника. шесть — государство.

за два приёма — форточку. на три оборота — дверь.
вчетверо крепче прежнего прижмись ко мне, дорогая.
и не верь всенародному. а мне поверь,
в рану персты влагая.

если ж дом окружат, то станем к спине спиной,
плёнкой глаза затянем и предадимся зною.
стану тебе апостолом.
самым тебе фомой.
стань и ты мне фомою.

вот уже высаживают дверь
руку дай и ничего не бойся
жаль что тексты не успели сжечь

вот уже бросают из окна
прямо на подставленные колья
помнишь главку про стрелецкий бунт?

и толпа беснуется кричит
плотная до самой ленинградки
и ещё куда хватает глаз

через сорок лет войдём опять
без ключа значенья не имеет
дверь уже не надо отпирать

ржавчина из крана а потом
наклонись ты видишь чьё на дне
там лицо нарисовалось?

знать за эти годы стосковалось
по тебе и мне

[земля]

эта земля
завещана нам от бога

двадцать тысяч
с востока на запад
восемь тысяч
с юга на север

эта земля
с обгрызенными краями
как наши ногти
с вершинами гор
как наши чирьи
с извилистой береговой линией
как наши заметки в журналах
с неглубокими оврагами
как наши улыбки
и глубокими отхожими ямами
как наша легендарная
отходчивость
и незлобивость

с почтовыми ящиками
куда опускают воздух
с тёплыми тапками
в которых хоронят
мелких домашних питомцев
с конторскими счётами

на чьих костяшках
съезжают с гор
любители национальных видов спорта
с вишнёвыми и яблоневыми садами
которые устанавливают со стуком
рабочие сцены
с красавицами
висящими на новогодних ёлках
с тёплым утренним хлебом
особенно с тёплым утренним хлебом

поэтому вы можете
творить любые безумства
принимать любые законы
запрещать то что ещё осталось
хоть неделю
хоть десять лет
хоть сотню

всё равно
эта земля
завещана нам от бога

мы подождём

мёртвые терпеливы

у мёртвых времени много

СОДЕРЖАНИЕ

